

Свадьба — текст 1 из 2

Шафер в цилиндре и в белых перчатках, запыхавшись, сбрасывает в передней пальто и с таким выражением, как будто хочет сообщить что-то страшное, вбегает в зал.

Жених уже в церкви! объявляет он, тяжело переводя дух.

Наступает тишина. Всем вдруг становится грустно.

Отец невесты, отставной подполковник, с тощим, испытанным лицом, чувствуя, вероятно, что его куцая военная фигурка в рейтузах недостаточно торжественна, солидно надувает щеки и выпрямляется. Он берет со столика образ. Его жена, маленькая старушка в тюлевом чепце с широкими лентами, берет хлеб-соль и становится рядом с ним. Начинается благословение.

Невеста Любочка бесшумно, как тень, опускается перед отцом на колени, и ее фата волнуется при этом и цепляется за цветы, разбросанные по платью, и из прически выбивается несколько шпилек. Поклонившись образу и поцеловавшись с отцом, который еще сильнее надувает щеки, Любочка опускается перед матерью; фата ее опять цепляется, и две барышни, взволнованные, подбегают к ней, обдергивают, поправляют, прикалывают булавками...

Тишина, все молчат, не шевелятся; только одни шафера, как горячие пристяжные, нетерпеливо переминаются с ноги на ногу, точно ждут, когда им позволено будет сорваться с места.

Кто повезет образ? слышится тревожный шёпот. Спир, где ты? Спир!

Цичас! отвечает из передней детский голос.

Бог с вами, Дарья Даниловна! кто-то вполголоса утешает старуху, которая припала к дочери лицом и всхлипывает. Да разве можно плакать, Христос с вами? Надо радоваться, душенька, а не плакать.

Благословение кончается, Любочка, бледная, такая торжественная, строгая на вид, целуется со своими подругами, и после этого все с шумом, толкая друг друга, устремляются в переднюю. Шафера с тревожной спешкой, крича без всякой надобности pardon!, одевают невесту.

Любочка, дай я на тебя хоть еще разочек посмотрю! стонет старуха.

Ах, Дарья Даниловна! вздыхает кто-то укоризненно. Радоваться надо, а вы это бог знает что выдумали...

Спир! Да где же ты? Спир! Наказание с этим мальчишкой! Иди вперед!

Цичас!

Один из шаферов берет шлейф невесты, и процессия начинает спускаться вниз. На перилах лестницы и на косяках всех дверей виснут чужие горничные

и няньки; они пожирают глазами невесту, слышится их одобрительное жужжанье. В задних рядах раздаются тревожные голоса: кто-то что-то забыл, у кого-то невестин букет; дамы взвизгивают, умоляя не делать чего-то, потому что примета есть.

У подъезда уже давно ждут карета и коляска. На лошадиных гривах бумажные цветы, и у всех кучеров руки перевязаны около плеч цветными платками. На козлах кареты сидит чудо-богатырь с широкой окладистой бородой, в новом кафтане. Его протянутые вперед руки с сжатыми кулаками, откинута назад голова, необычайно широкие плечи придают ему не человеческий, не живой вид; весь он точно окаменел...

Тпррр! говорит он тонким голосом и тотчас же добавляет густым басом: Шалишь! (отчего и кажется, что в его широкой шее два горла.) Тпррр! Шалишь!

Улица по обе стороны запружена публикой.

Пода-ай! кричат шафера, хотя подавать нечего, так как карета давно уже подана. Спир с образом, невеста и две подруги садятся в карету. Дверца хлопает, и улица оглашается грохотом кареты.

Коляску шаферам! пода-ай!

Шафера прыгают в коляску и, когда она трогается с места, приподнимаются и, корчась как в судорогах, натягивают на себя свои пальто. Подаются следующие экипажи.

Софья Денисовна, садитесь! слышатся голоса. Пожалуйста и вы, Николай Мироныч! Тпррр! Не беспокойтесь, барышня, всем будет место! Берегись! Слышишь, Макар! кричит отец невесты. Назад из церкви поезжайте другой дорогой! Примета есть!

Экипажи гремят по мостовой, шум, крики... Наконец все уехали, стало опять тихо. Отец невесты возвращается в дом; в зале лакеи убирают стол, в соседней темной комнатке, которую все в доме называют проходной, сморкаются музыканты, всюду суета, беготня, но ему кажется, что в доме пусто.

Солдаты-музыканты копошатся в своей маленькой, темной комнатке, всё никак не могут поместиться со своими громоздкими пюпитрами и инструментами. Пришли они недавно, но уже воздух в проходной стал заметно гуще, нет никакой возможности дышать. Их старшой Осипов, у которого от старости усы и бакены сбились в паклю, стоит перед пюпитром и сердито глядит в ноты.

А тебе, Осипов, сносу нет, говорит подполковник. Сколько лет я тебя уже знаю? Лет двадцать!

Больше, ваше высокоблагородие. На вашей свадьбе играл, ежели изволите помнить.

Да, да... вздыхает подполковник и задумывается. Такая, брат, история...

Сыновей, слава богу, поженил, теперь вот дочку выдаю, и остаемся мы со старухой сироты... Нету у нас теперь деток. Начистоту разделались. Кто знает? Может, Ефим Петрович, вам бог еще пошлет, ваше высокоблагородие...

Ефим Петрович с удивлением глядит на Осипова и смеется в кулак. Еще? спрашивает он. Как ты сказал? Детей еще бог пошлет? Мне-то? Он давится от смеха, и слезы у него выступают на глазах; музыканты из вежливости тоже смеются. Ефим Петрович ищет глазами старуху, чтобы сообщить ей, что сказал Осипов, но она сама уже летит прямо на него, стремительно, сердитая, с заплаканными глазами.

Бога ты не боишься, Ефим Петрович! говорит она, всплескивая руками. Мы ищем, ищем ром, с ног сбились, а ты тут стоишь! Где ром? Николай Мироныч не может без рома, а тебе горюшка мало! Поди, узнай у Игната, куда он ром поставил!

Ефим Петрович идет в подвальный этаж, где помещается кухня. По грязной лестнице снуют бабы и лакеи. Молодой солдат, накинув мундир на одно плечо, уперся коленом о ступень и вертит мороженицу; пот течет с его красного лица. В темной и тесной кухне, в облаках дыма, работают повара, взятые напрокат из клуба. Один потрошит каплуна, другой делает из морковки звездочки, третий, красный как кумач, сует в печь противень. Ножи стучат, посуда звенит, масло шипит. Попад в этот ад, Ефим Петрович забывает, о чем говорила ему старуха.

А вам здесь, братцы, не тесно? спрашивает он.

Ничего-с, Ефим Петрович. В тесноте да не в обиде, будьте покойны-с...

Уж вы постарайтесь, ребята.

В темном углу вырастает фигура Игната, буфетчика из клуба.

Будьте покойны-с, Ефим Петрович! говорит он. Всё предоставим в лучшем виде. С чем прикажете делать мороженое: с ромом, с го-сотерном или без ничего?

Вернувшись в комнаты, Ефим Петрович долго слоняется по комнатам, потом останавливается в дверях проходной и опять заводит разговор с Осиповым. Так-то, брат... говорит он. Сиротами остаемся. Покуда новый дом не высохнет, молодые с нами поживут, а там прощайте! Только мы их и видели...

Оба вздыхают... Музыканты из вежливости тоже вздыхают, отчего воздух становится еще гуще.

Да, брат, вяло продолжает Ефим Петрович, была одна дочка, да и ту отдаем. Человек он образованный, говорит по-французски... Только вот попивает, но кто нынче не пьет? Все пьют.

Это ничего, что пьет, говорит Осипов. Главное достоинство, Ефим Петрович, чтобы дело свое помнил. А ежели, положим, выпить, то почему не выпить?

Выпить можно.

Конечно, можно.

Слышится всхлипывание.

Разве он может чувствовать? жалуется Дарья Даниловна какой-то старухе.

Ведь мы ему, мать моя, отсчитали десять тысяч копеечка в копеечку, дом на Любочку записали, десятин триста земли... легко ли сказать! А нешто он может чувствовать? Не таковские они нынче, чтобы чувствовать!

Стол с фруктами уже готов. Бокалы тесно стоят на двух подносах, бутылки с шампанским завернуты в салфетки, в столовой шипят самовары. Лакей без усов, с бакенами записывает на бумажке имена лиц, здоровье которых он будет провозглашать за ужином, и читает их, точно учит наизусть. Из комнат выгоняют чужую собаку. Напряженное ожидание... Но вот раздаются тревожные голоса:

Едут! Едут! Батюшка Ефим Петрович, едут!

Старуха, обомлевшая, с выражением крайней растерянности, хватает хлеб-соль, Ефим Петрович надувает щеки, и оба вместе спешат в переднюю. Музыканты сдержанно, торопливо настраивают инструменты, с улицы доносится шум экипажей. Опять вошла со двора собака, ее гонят, она взвизгивает... Еще одна минута ожидания и в проходной, резко, остервенело рванув, раздается оглушительный, дикий, неистовый марш. Воздух оглашается восклицаниями, поцелуями, хлопают пробки, у лакеев лица строгие...

Любочка и ее супруг, солидный господин в золотых очках, ошеломлены. Оглушительная музыка, яркий свет, всеобщее внимание, масса незнакомых лиц угнетают их... Они тупо глядят по сторонам, ничего не видят, ничего не понимают.

Пьют шампанское и чай, всё идет чинно и степенно. Многочисленные родственники, какие-то необыкновенные дедушки и бабушки, которых раньше никто никогда не видел, духовенство, отставные военные с плоскими затылками, посажёные отец и мать жениха, крестные, стоят около стола и, осторожно прихлебывая чай, беседуют о Болгарии; барышни, как мухи, жмутся у стен; даже шафера утратили свой беспокойный вид и стоят смирно у дверей.

Но проходит час-другой и весь дом дрожит уже от музыки и танцев. У шаферов опять такой вид, точно они с цепи сорвались. В столовой, где покоем накрыт закусочный стол, толпятся старики и нетанцующая молодежь; Ефим Петрович, выпивший уже рюмок пять, подмигивает, щелкает пальцами и давится от смеха. Ему пришло на мысль, что хорошо бы женить шаферов, и это ему нравится, кажется остроумным, забавным, и он рад, так рад, что не может выразить на словах, а только хохочет... Его жена, не евшая ничего с утра и

опьяневшая от шампанского, блаженно улыбается и говорит всем:

Нельзя, нельзя, господа, в спальню ходить! Это не деликатно в спальню ходить. Не заглядывайте!

Это значит: пожалуйста поглядеть спальню! Всё ее материнское тщеславие и все таланты ушли в эту спальню. И есть чем похвастать! Посреди спальни стоят две кровати с высокими постелями; наволочки кружевные, одеяла шелковые, стеганные, с мудреными, непонятными вензелями. На постели Любочки лежит чепчик с розовыми лентами, а на постели ее мужа шлафрок мышинного цвета с голубыми кистями. Каждый из гостей, взглянув на постели, считает своим долгом значительно подмигнуть глазом и сказать м-да-а, а старуха сияет и говорит шёпотом:

Спальня-то рублей триста стоила, батюшка. Шутка ли! Ну, уходите, мужчинам не годится сюда ходить.

В третьем часу подают ужин. Лакей с бакенами провозглашает тосты, а музыка играет туш. Ефим Петрович напивается окончательно и уже никого не узнает; ему кажется, что он не у себя дома, а в гостях, что его обидели; он в передней надевает пальто и шапку и, отыскивая свои калоши, кричит хриплым голосом:

Не желаю я тут больше оставаться! Вы все подлецы! Негодяи! Я вас выведу на чистую воду!

А возле стоит жена и говорит ему:

Уймись, безбожная твоя душа! Уймись, истукан, ирод, наказание мое!